

М. М. Прохоров
(г. Нижний Новгород,
Россия)

БЫТИЕ И ИСТОРИЯ

1. Автор видит свою задачу в экспликации закономерной связи Бытия и Истории. Закон их связи можно рассматривать как основной закон мировоззрения – высшей формы сознания человека, в рамках которой человек осмысливает всё происходящее в мире и смысл своей жизни. Вне неё человек не существует, вне неё невозможно раскрыть взаимоотношение человека с мирозданием, понять его место и роль в нём. Как подметил М. Мамардашвили, «историю, как и мысль, нельзя начать. В ней можно только быть. История, как и мысль, обладает очень странным законом. В абсолютном смысле слова не существует некоего абсолютного начала мысли или начала истории – мы никогда не находимся в положении, которое очень часто описывается как положение выбора. Вот якобы мы стоим перед рекой и думаем: бросаться в реку или не бросаться... На самом деле принцип Гераклита гласит: *каждый данный момент мы уже в реке*» [1, с. 252]. Ныне внимание к истории повышено. Об этом свидетельствуют каждодневные факты её переосмысления, – или с выходом на поверхность, или с углублением в сущности разных порядков. Философия требует выхода к сущности наиболее глубокого порядка, принятия тезиса, что существует только одна единственная наука – наука истории, разделами и подразделами которой выступают все известные нам науки, раскрывающие историю во всей её универсальности. Историю делят на историю природы (естествознание) и историю людей, общества [2, с. 16]. Выделение последней не отменяет их неразрывной связанности. В «снятом виде» эта связь сохраняется в истории человека и общества как предмете изучения историков. Поэтому говорят о естественноисторическом характере и механизме её развития, о таком единстве противоположностей прогресса, восхождения и регресса, нисхождения, что оно обеспечивает, в конечном счете, приоритет прогресса над регрессом, *продолжает* эволюционное

восхождение в природе. Эта тенденция имеет объективный характер. Она зафиксирована, в частности, в теории эволюции Ч. Дарвина.

2. Мышление принято считать «прикреплённым» к голове человека. Мыслит имеющий голову человек. Но для мысли недостаточно головы, ибо она не менее связана, «скреплена» с развитием: подлинное, т. е. объективное и предметное мышление бытия «прикреплено» к прогрессу, восхождению. Оно – порождение восходящей ветви бытийного развития, возникает в контексте прогресса, порождается процессами восхождения и, в свою очередь, является *внутренним* детерминантом этих процессов, обеспечивающим их существование и пролонгацию. Напротив, в контексте деградации происходит вырождение мысли, в ней начинают доминировать разного рода уловки мысли, интеллектуальное мошенничество, софизмы, подделки и подделки, симулякры как продукт *симулирования* мышления. Мысль и её антипод, симулирование – это *инструменты*, которые используются прогрессом и регрессом. Эта поляризация уходит своими корнями в столкновение интересов различных социальных субъектов в антагонистическом обществе. Сто лет назад она была эксплицирована в принципе партийности философии В. Лениным, выразившим обострение указанного противостояния противоположных сторон в развитии истории поляризацией философских учений по всему спектру проблем, порожденных как социальным, так и научным развитием. При этом обнаружила себя связь истории с бытием. Ядром споров стал вопрос о бытии и его развитии, от ответа на который зависело решение прочих философских проблем. Вопрос о понимании и определении бытия, которое движется и развивается, стал основополагающим. Ленин определил бытие как материю: в мире нет ничего, кроме движущейся материи. Бытие характеризуется через категорию материи в значении «единственной и последней объективной реальности» – «не в том смысле, что она уже познана до конца, а в том, что кроме неё нет и не может быть другой». И такая категория не может «устареть». Материя, по Ленину, «есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них» [3, с. 130, 131]. Категория материи выражает суть философии материализма как оппозицию философии идеализма в его различных формах, хотя непосредственно это определение бытия было сформулировано в споре с учениями субъективно-идеалистического толка, восходящими к Дж. Беркли. Определение есть ограничение. Бытие ограничивается сознанием, представлениями о бытии, которые представляют бытие, получающее в них вторую, субъективную форму

существования; в нём возникает и решается проблема соединения онтологического и гносеологического аспектов, их анализа и синтеза. Определение бытия как материи было обобщённым решением основного вопроса философии (ОВФ), обеих его сторон; в этом состоит *секрет* определения, позволяющего дать критерии различения основных «партий», способов философского мышления, без признания их равнозначности. С «секретом» до сих пор сталкиваются философы со времен античности; уже Парменид установил, что между разъединёнными частями есть логическая связь, онтология и гносеология обуславливают друг друга.

3. После Парменида проблема определения бытия была воспринята «в форме вопроса о правомерности учения Парменида об уместности едином бытии и одновременно учения Гераклита о закономерности изменения и движения, о необходимости совмещения того и другого и очевидной невозможности этого» [4, с. 85]. Экспликация этих представлений привела к выявлению второго, *атрибутивного* уровня определения бытия [5], обладающего относительной самостоятельностью. На нём «свойство» материи быть объективной реальностью раскрывается с помощью «атрибутов», выступает в качестве характеристик того содержания, которое *вкладывается* в понятие «объективная реальность», когда разрабатываются «модели» объекта как самосогласованной системы атрибутов (движение, пространство, время, качество, количество, закономерность, причинность и т.п.), воспроизводящих содержание любого материального объекта [6, с. 96–99]. Онтологические понятия об атрибутах *продолжают* характеристику объективного бытия в виде иерархической субординации категорий, без которых «бытие» в человеческой голове не было бы «представлено» с необходимой и достаточной полнотой; они остаются в контексте постановки и решения ОВФ.

4. Противоположной (особенно со времён «перестройки») является тенденция фальсификации ОВФ. Одни философы вообще перестали упоминать ОВФ, другие – отрицают его смысл. Характерно высказывание из *ведущего* журнала «Вопросы философии», которое начинается словесным панегириком ОВФ, а завершается отрицанием его смысла. Поскольку ныне эта позиция стала *типичной*, то имя автора значения не имеет; так думают многие, хотя и не говорят об этом: «Хотя ОВФ, пока существует философия, вечен, его содержание исторически менялось». «Бытие отождествлялось с Единым, в которое включалось „Всё“, с Природой, порождавшей дух, или с Духом, отчуждавшим от себя природу. Это вопрос не только философский, но и религиозный, обсуждавшийся теологами в виде отношений Бога и мира, творца и

твари, души и тела, „того и этого Света”. В Новое время на первый план выдвинулось взаимодействие объекта и субъекта, Я и не-Я, внутреннего и внешнего или, как в марксистской философии, материального и идеального. Вина марксизма в том, что эта, пожалуй, наиболее распространённая и ёмкая формулировка ОВФ признавалась (независимо от его решения) эталонной, наконец-то истинной, как для объяснения прошлых перипетий борьбы Земли и Неба, так и при рассмотрении любых возможных философских проблем. Она больше не допускала заблуждений и права на новые трактовки, обусловленные хотя бы тем, что менялось само представление о материи, появился „научный”, „функциональный”, „бестелесный” материализм, а сознание претерпевало физикализацию, бихевиоризацию, возникли понятия сверхсознания, бессознательного и т. д. Впрочем, это обычная вина всех классических систем», «вытекавшая из веры в существование абсолютной истины», к тому же «усугубленная ролью марксизма как идеологии самого мощного в человеческой истории социального движения» [7, с. 66–67]. Смысл этой, *типичной* сегодня, позиции совпадает с позицией яркого поборника религиозного сознания, настаивающего на *реализме* как *общей основе религиозного и научного знания, и, в то же время, противопоставляющего* свой «реализм» материализму. Он сетует: «В последнее время наблюдается *новая тенденция* в отношениях нерелигиозных учёных к теологии, к богословской мысли. Вместо объявления религиозного знания ложным, не соответствующим действительности учением о *реальности*, его провозглашают одним из многих, равно имеющих право на существование способов *субъективного восприятия реальности*, в отношении которых не применимы категории истинности-ложности, как в отношении художественного творчества. Вместо заблуждающихся богословы становятся интересными людьми с интересными мнениями. Эти мнения, однако, не соотносимы с реальным бытием, и в этом смысле (подразумевается, но не высказывается вслух) ничего не говорят о реальности, но только о своих авторах» [8, с. 73]. *Типичный* философ тоже считает себя *реалистом*, ибо признаёт *равнозначными* все варианты решения ОВФ. Хотя это обесмысливает ОВФ. ОВФ якобы позволяет признавать *равнозначность* материализма, идеализма и даже религии в качестве «метафизики», онтологии как учения о бытии. Но ОВФ именно этого не допускает. Полноценное учение о бытии вырабатывается материализмом, ведущим последовательную «борьбу» с идеализмом и религией, т. е. диалектическим материализмом; именно его понимание бытия лежит в основе интерпретации истории, истолкования закономерной связи бытия и истории. Материализм

является учением о бытии в ранге субстанции, тогда как иные философские «персонажи», участвуя в ОВФ, имитируют, симулируют мышление, хотя и могут давать определённые результаты на втором уровне определения бытия. То, что *типичный* философ *по сути* отрицает ОВФ, «высвечивает» поборник религии М. Шахов, когда сетует на *новую тенденцию* отказа богословам в праве *представлять* учение о бытии. *Фактически* в характеристике теологии Шахов указывает *основные черты* симулякра мысли [9] как *антипода* подлинной, объективной и предметной мысли. Чтобы исключить такой вывод, Шахов сближает трансцендентную «реальность» потустороннего и непознаваемого Бога с понятием объективной реальности (обратное не допускается). Но объективная реальность не является потусторонней, сверхъестественной, как не является она непознаваемой, в отличие от трансцендентного Бога религии [10]. Попытка выдать Бога, трансцендентную реальность за реальность объективную является интеллектуальным мошенничеством. Материя, объективная реальность существует до, вне и независимо от сознания, которое она порождает, а трансцендентная реальность существует, согласно религии, до, вне и независимо от материи, объективной реальности, а потому она непознаваема. Религия симулятивно «решает» вопрос о непознаваемости трансцендентного Бога человеком, когда утверждает, что тот сам открывает себя человеку, что в его «Откровении» человеку дана абсолютная истина, а науке доступна лишь относительная истина. Именно так было *категориально* закреплено преодоление ещё в период средневековья мифологии и античной философии, отнесённых религией к язычеству [см., напр.: 11]. Поэтому Ленин имел право исключить Бога, трансцендентную реальность, когда характеризовал бытие через категорию материи как объективной реальности в значении, повторю, «единственной и последней», в том смысле, что кроме неё нет и не может быть другой, более глубоко «упрятанной». Категория материи раскрывает бытие в ранге субстанции, на уровне сущности наиболее глубокого порядка, т. е. с учётом существования сущностей разных порядков. *Типичный* философ движется в обратном порядке – к *феноменологии*, к «поверхности» (вслед за постмодернистами, в плену у них), к сущности менее глубокого порядка, где может отстаивать позицию материализма, что не мешает ему на уровне субстанции *изменять* материализму, признавая его равноправие с идеализмом и религией в качестве учения о бытии, онтологии, «метафизики». Его «*крик против небытия*» ограничен уровнем феноменологии, которая «востребована» ныне, якобы, «как никогда и более актуальна, чем любое другое направление в истории мысли. Это новейшая форма *трансцендентализма*, адекватная порыву

человечества из предметной реальности „вверх”, в невесомость, где мир не ве(с)щит, к виртуальному миру. Только в таком контексте можно понять её подлинное значение». «На поверхности» он противопоставляет идеализм и материализм: «Гуссерль и Хайдеггер – это Платон и Демокрит XX века. Феноменологические»; «на поверхности» он становится на сторону «материалиста» Хайдеггера *против* «идеалиста» Гуссерля [12].

5. С феноменологическо-экзистенциальной точки зрения понятие материи кажется пустым: кому интересны «безотносительные» к человеку материя и система её атрибутов? субстанция – «без разума, без воли, без любви, погружающая миропонимание человека в ужас вселенной необходимости»? [13, с. 15]. Это – поверхностный взгляд, а его преодоление предполагает выход на третий уровень определения бытия [5], который выводит нас в *историю людей*, где ничто не делается без разума, воли, любви. Третий уровень, надстраиваясь над двумя первыми, переводит нас из области общего мировоззрения, основанного на *абстрактно-идеализирующем* понимании отношения бытия и сознания, материи и духа (материалистическом или идеалистическом), в область *конкретной истории*, где философия призвана сконцентрировать внимание на *историческом* изменении бытия и сознания [14, с. 60] как разумной формы или состояния бытия. Здесь обнаруживается, что Слово о бытии есть и Слово о человеке; и наоборот. Человек объясняет бытие и себя, историю людей; раскрывает бытие в самом себе и в истории; как бытие и часть бытия. Осмысление истории, закономерной связи бытия и истории есть, с одной стороны, акт самосознания человека, его самоотличения, выделения из животного мира (животного вообще, и животного в себе), с другой – его взаимосвязи с бытием. Понимание бытия на уровне истории приводит к выявлению основных типов отношения человека к мирозданию: созерцательного, активистского и принципиально отличающегося от них козволюционного; далее они сводятся в *обобщенную* модель мироотношения, по-разному являющую себя в тот или иной период истории [подробно см.: 15].

6. Без материалистического определения истории онтология (учение о бытии, «метафизика») не завершена. В онтологии как ядре философского мировоззрения (всех трех её уровней) светится *гносеологическое* отношение объекта и образа, бытия и сознания, объективного и субъективного. Обращённость к миру (объективность) и всеобщность (универсальность) не позволяют раствориться онтологии, ни в изучающей познание гносеологии, ни в частных науках, которые изучают бытие в его исторически преходящих локальных «состояниях»

[16, с. 22]. Последние нельзя отождествлять с «бытием», из которого они возникают и в которые они «возвращаются», если заканчивают своё существование, как подметили уже античные мыслители. *Нельзя абсолютизировать конкретное*; нужно брать окружающий мир как *движущееся бытие*, а всё *исторические*, бесконечно разнообразные его состояния – как результат *движения бытия*. Это и выводит к понятию закономерной связи бытия и истории. Она выражается стихийно, в естественноисторическом характере и механизме развития истории людей. *Открытие* материалистического понимания истории (МПИ) осуществил К. Маркс, которому принадлежит и важное *изобретение* в области истории, зафиксированное в «Тезисах о Фейербахе» и впервые использованное в России в начале XX в., когда стихийный механизм развития дал сбой, возникла реальная угроза «конца истории» в смысле доминирования регресса над прогрессом. Это была угроза *развитию*. Обеспечение доминирования прогресса требовало внедрения в механизм социального развития, преодоления стихийности. Царская Россия страдала не только от капитализма, но и от его недостаточного развития. В ожесточённом споре с Лениным Плеханов («Политическое завещание» [17]) сделал вывод об отсутствии естественноисторических предпосылок революции, о «незрелости» пролетариата и «буржуазии тоже». Придерживаясь созерцательного отношения к истории, он предлагал «ждать», пока созреют объективные условия для социалистической революции в ходе естественноисторического, стихийного процесса (ныне такой подход «подхвачен» акад. Т. И. Ойзерманом – см.: [18]). Ленин, признавая *открытие* Маркса, использовал его *изобретение*, выступив сторонником философии активизма «Тезисов»¹. Согласно А. А. Зиновьеву, в этом пункте *сменяется история как объект* анализа и описания [19, с. 6], требуя соответствующего «поворота мозгов» для выработки *нового* понимания объекта истории. Подчеркну, речь идёт о различии открытия (предполагает то, что открывается и исследуется) и изобретения (изобретается то, чего ещё не существует; Зиновьев именуется его «идеологическим построением»). Отныне история как стихийный процесс остаётся «в прошлом», из стихийного и неподконтрольного людям процесса она превращается в проектируемый и управляемый; эволюционные процессы осуществляются так, как раньше

¹ Маркс выдвинул проект вытеснения созерцательного отношения к истории активистским: прежние философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы его изменить; в первую очередь это относилось к истории; у идеализма, которому свойственна эта особенность, она не имеет перспектив на реализацию; Маркс связал «изобретение» с материализмом, ранее развивавшимся вне тенденции внедрения в механизм развития, что он назвал его главным недостатком.

осуществлялись частичные технические проекты, изобретения, операции вроде строительства аэропортов, кораблей, каналов и т. п. История в целом характеризуется открытием и изобретением. По Ленину, господствующие классы в России царской *сознательно* отказались от своей исторической миссии, которую они выполняли в иных странах мира. Чтобы преодолеть торможение и застой, необходима революция, в ходе которой власть от прежде господствовавших классов, отказавшихся от выполнения своей исторической миссии, перешла бы к пролетариату и уже при диктатуре пролетариата, представляющей его партии, была бы проведена индустриализация страны, была бы создана материально-техническая база для нового общества, реализующего идеалы гуманизма, человечности для более широких слоёв народа, пусть и с подавлением сопротивления прежде господствующих классов в целях освобождения широких народных масс от нищеты, безграмотности и т. п. бед и создания условий для реализации ими своих творческих способностей в истории как ее субъектов, на что они не могли рассчитывать в предшествующей истории [20, с. 154–184]. С Октябрьской революции 1917 г. берёт начало новый механизм социальной эволюции в истории людей, позволяя называть её «великой»: наша страна «более чем на полвека» опередила в этом отношении весь западный мир [21, с. 458], который заимствовал у неё «социальную технологию» внедрения в механизм человеческой истории. Правда, в иных целях. А после «перестройки» в СССР, Россия и другие страны СНГ, сохраняя преданность новой «социальной *технологии*», изменили *социальные* цели эволюции, предали прежние, социалистические, возникшие когда-то «внутри» и «вне» СССР – из-за боязни господствующих «там» слоёв потерять всё, «как в СССР». Т. е. в *цивилизованных* странах они, господствующие классы, пошли даже на «перевыполнение» своей исторической миссии, допустив на своей территории те или иные «начала» социальности (=социализма). В целом История стала сложнее, многомернее, в ней вырос слой реальности, преодолевающий естественноисторический механизм эволюции. Изменение целей породило *проблему симулирования* исторических событий и специфического «переписывания» образов реальной истории, например, событий Второй мировой войны, Киевской Руси и т. д. Симулирование свидетельствует об обновлении противостояния прогресса и регресса в современной истории.

Литература

1. Мамардашвили М. К. Психологическая топология пути / Мераб Мамардашвили. – СПб., 1997.

2. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Немецкая идеология // *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения. Изд. 2-ое. – Т. 3. – М., 1955.
3. *Ленин В. И.* Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч. – Т. 18. – М., 1973.
4. *Комарова В. Я.* Учение Зенона Элейского / В. Я. Комарова. – СПб., 1988.
5. *Прохоров М. М.* Бытие и уровни его определения / Михаил Прохоров // *Философия и общество.* – 2008. – № 4 (52). – С. 22–43.
6. *Материалистическая диалектика: В 5 тт.* – Т. 1. Объективная диалектика. – М., 1981.
7. Вопросы философии. – 2007. – № 2.
8. *Шахов М. О.* Реализм как общая основа религиозного и научного знания / М. О. Шахов // *Вопросы философии.* – 2008. – № 10.
9. *Прохоров М. М.* Философия и симулирование / Михаил Прохоров // *Вестник Российского философского общества.* – 2008. – № 4 (48). – С. 111–114.
10. *Природа реальности. Беседа с Рабиндранатом Тагором // Эйнштейн А.* Собр. научн. трудов: В четырех томах. – Т. IV. – М., 1967. – С. 130–133.
11. *Арнобий.* Против язычников / Арнобий. – СПб., 2008.
12. *Кутырев В. А.* Крик против небытия / В. А. Кутырев // *Вопросы философии.* – 2008. – № 8. – С. 60–72.
13. *Курашов В. И.* Теоретическая и практическая философия в кратчайшем изложении / В. И. Курашов. – Казань, 2003.
14. *Алексеев М. Н.* Предмет и структура марксистской философии / М. Н. Алексеев. – М., 1973.
15. *Прохоров М. М.* Человек и мироздание: модель взаимоотношения / Михаил Прохоров // *Философия и космология 2008: Научно-теоретический сборник.* – Полтава, 2008. – С. 161–175.
16. *Виктор Александрович Штофф и современная наука.* – СПб., 2006.
17. *Политическое завещание (последние мысли Г. В. Плеханова) // Независимая газета.* – 1999. – 1 дек. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ng.ru/printed/2657>.
18. *Ойзерман Т. И.* Амбивалентность социалистической (коммунистической) теории марксизма / Теодор Ойзерман // *Вопросы философии.* – 2008. – № 11. – С. 32–44.
19. *Греков Л.* «Глобальный человек» как «зияющие высоты» западнизма / Л. Греков // *Зиновьев А. А.* Глобальный человек. – М., 2006.
20. *Прохоров М. М.* Бытие, гуманизм и второе осевое время / Михаил Прохоров. – М., 2008.
21. *Зиновьев А. А.* Фактор понимания / А. Зиновьев. – М., 2006.

